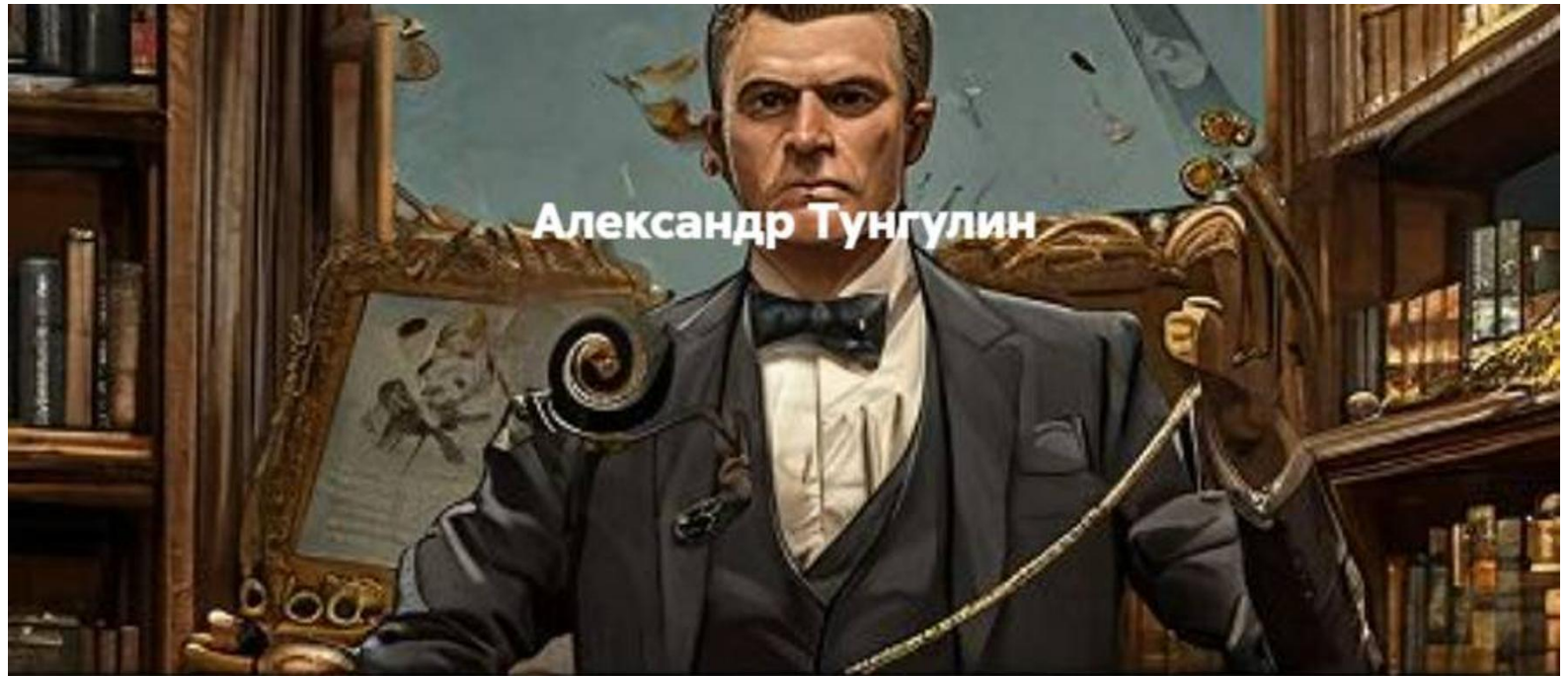
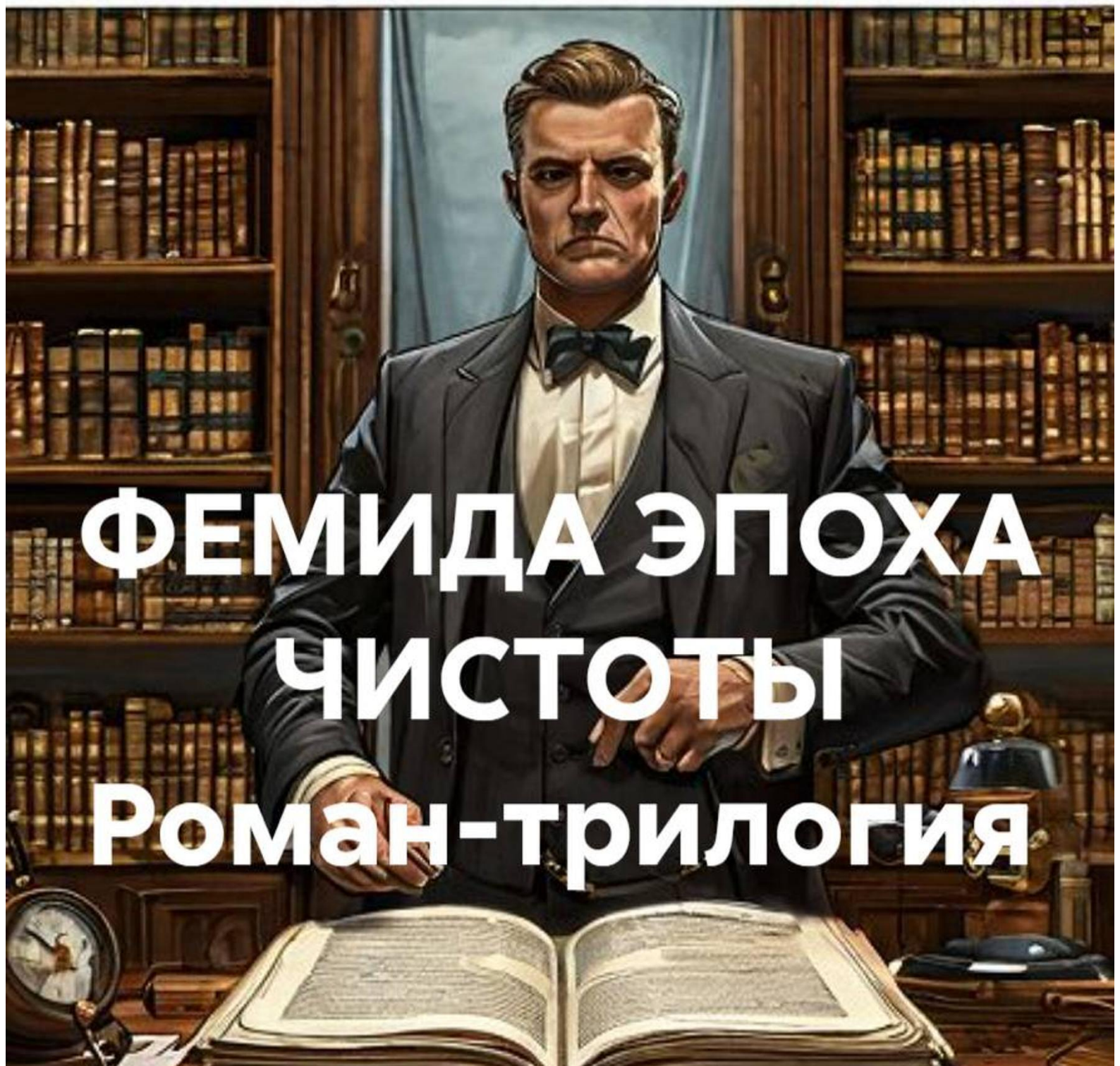

An illustration of a man with a serious expression, wearing a dark tuxedo with a white shirt and a dark bow tie. He is holding a cane with a curved handle in his right hand. The background is a library with wooden bookshelves filled with books. A framed picture is visible on the wall behind him.

Александр Тунгулин

An illustration of the same man from the top image, now sitting at a desk and reading a large open book. He is still wearing the same tuxedo and bow tie. The desk has a lamp and some papers. The background is the same library with bookshelves.

ФЕМИДА ЭПОХА ЧИСТОТЫ Роман-трилогия

Александр Тунгулин

ФЕМИДА ЭПОХА

ЧИСТОТЫ Роман-трилогия

«Автор»

2026

Тунгулин А. С.

ФЕМИДА ЭПОХА ЧИСТОТЫ Роман-трилогия /
А. С. Тунгулин — «Автор», 2026

ФЕМИДА. ЭПОХА ЧИСТОТЫ Книга первая Судья даже не открыл его дело. Просто зачитал отказ — и вызвал следующего. Артемий Соколов проиграл суд не потому, что был неправ, а потому что справедливость в его стране принадлежит тому, кто успел договориться раньше. Он решает построить систему, которую невозможно купить, — покупать в ней будет просто некого. Блокчейн вместо взятки. Правосудие без хозяина — ни у кого, включая самого Артемия. Идея срabатывает слишком быстро. У «Фемиды» — первые громкие победы и первый настоящий враг: человек, тридцать лет служивший старой системе и готовый на всё, чтобы её не потерять. Но чем ближе победа, тем яснее: за схваткой следит кто-то ещё. Слишком много совпадений, слишком старая книга, найденная именно в нужную ночь. Похоже, о балансе добра и зла веками заботятся не только суды и правительства. Техно-триллер о тех, кто решил починить систему изнутри — и о цене победы над теми, кто её построил и кто веками её тайно охраняет.

© Тунгулин А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Искра	6
Глава 2. Первый зов	14
Глава 3. Крот	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Тунгулин

ФЕМИДА ЭПОХА

ЧИСТОТЫ Роман-трилогия

Глава

ФЕМИДА ЭПОХА ЧИСТОТЫ

Роман-трилогия

Книга первая — Эпоха Чистоты

Книга вторая — Ведомые

Книга третья — Перевес

А. С. Тунгулин

Предисловие

Кто знает, что может изменить всё?

Как случаются революции — не те, что объявляют с трибун, а настоящие, которые сперва никто не замечает? В какой момент система, простоявшая десятилетиями неизменной, вдруг совершает квантовый скачок — переходит из одного состояния в другое, минуя всё, что казалось невозможным пропустить? Никто не может назвать точную секунду. Она всегда узнаётся только потом, задним числом, когда уже поздно что-либо отменить.

Эта книга — про одну такую секунду. Про искру, способную сжечь старую систему дотла, — и про то, что искре, чтобы разгореться, вовсе не нужен пожар. Достаточно одного решения. Одного человека, который в нужный момент выбрал не молчать. Эта книга о том, как единственное решение способно изменить всё, — и о том, чьё именно это решение. Кто в итоге держит спичку. Кому позволено чиркнуть.

Потому что здесь есть варианты ответа, и ни один не даётся бесплатно. Может быть, решение принадлежит герою — человеку с именем, страхом и одной проигранной битвой за спиной, который в один обычный день отказался проигрывать дальше. Может быть, системе — той самой, которую он построил и которая слишком быстро начала думать самостоятельно. А может быть — и это самый неудобный вариант из всех, — решение никогда до конца не принадлежит одному. Оно рождается на стыке миллионов мелких выборов, которые никто не считал важными в моменте, — ровно до того дня, когда их сумма перестаёт быть суммой и становится чем-то, что уже нельзя остановить.

Автор не торопится с ответом. Он предлагает вам пройти весь путь — от одного проигранного дела в маленьком зале суда до вопроса, на который так и не нашли ответа даже те, кто наблюдал за миром дольше всех.

Искра уже зажжена. Вопрос лишь в том, что вы будете делать, когда увидите, как она разгорается.

Книга первая

Глава 1. Искра

Зал суда встретил Артемия тем же светом, какой бывает только в присутственных местах, простоявших без ремонта два десятилетия, — не серым и не жёлтым, а особым казённым сумраком, в котором даже солнечный день за высокими, никогда не мытыми окнами превращается в подобие вечности между двумя чиновничьими часами приёма. Штукатурка на стенах шла неровными островками облупившейся краски, будто кто-то много лет назад взялся за косметический ремонт, дошёл до середины кабинета и передумал — то ли кончился бюджет, то ли энтузиазм, то ли вера в то, что здесь вообще что-то может измениться. По будним дням в двенадцать часов зал обычно бывал полон просителей, адвокатов, обвиняемых с одинаково усталыми лицами. Сегодня, в его деле, — почти пуст, если не считать секретаря, скучающего над протоколом, и одинокого судебного пристава у двери, который за всё заседание не переменил позы.

Артемий Соколов сидел за столом истца тридцать один год от роду, с прямой спиной, которую держал уже из последних сил, — так держат спину не из выучки, а из страха, что стоит расслабиться хоть на секунду, и всё внутри осыплется вместе с этой штукатуркой. Перед ним лежала стопка документов — фотографии участка, кадастровая карта, показания соседей, — сложенная так аккуратно, будто аккуратность сама по себе могла стать аргументом, способным перевесить чужое равнодушие. Пальцы у него были сжаты в кулак под столом, там, где судья не мог этого видеть.

Судья Петров, пятидесяти двух лет, читал постановление, не поднимая глаз от бумаги.

— ...в удовлетворении исковых требований Соколова Артемия Викторовича отказать в полном объёме ввиду недостаточности доказательств, — произнёс он тем ровным, безучастным тоном, каким обычно объявляют не приговор, а расписание электричек. — Следующее дело.

— Ваша честь, — сказал Артемий, и голос его прозвучал тише, чем он рассчитывал. — У меня есть показания соседа, который видел, как передвигали забор.

— Решение принято, — сказал Петров, всё так же не поднимая глаз. — Следующее.

Артемий посмотрел на него дольше, чем требовалось. Петров не казался злым — в этом и была вся беда. Он казался выключенным, как прибор, у которого кончился завод, но который по инерции ещё щёлкает шестерёнками. Здесь не было врага, которого можно было бы возненавидеть. Была только пустота с фамилией.

Артемий встал, взял папку и вышел.

В коридоре суда он ударил кулаком по стене. Один раз, потом другой — не потому, что это могло что-то изменить, а потому что телу нужно было куда-то деть то, что не находило слов.

— Больно будет, — сказал женский голос у него за спиной.

Он обернулся. Рядом стояла девушка лет двадцати четырёх, в строгом пиджаке, с папкой в руках — и смотрела на него спокойно, без тени жалости, которая иногда бывает обиднее равнодушия.

— У вас кровь, — сказала она и протянула платок.

Он взял.

— Спасибо. Это не поможет.

— Я знаю, — ответила она. — Петров — винтик. Он не враг. Он просто исполняет.

— Тогда кто враг?

Она помедлила.

— Тот, кто крутит винтик, — сказала она тише. — Он не в этом здании. Он выше.

— Звучит как строчка из плохого юридического триллера, — сказал Артемий, и это было первое, что рассмешило его за весь день, хоть и невесело.

Девушка чуть улыбнулась — впервые за разговор.

— Я в него верю больше, чем в этот суд, — сказала она и ушла, не оборачиваясь.

Он смотрел ей вслед, сжимая в кулаке чужой платок, и думал о том, что запомнит её лицо дольше, чем сегодняшнее решение суда.

* * *

Ночь застала его за ноутбуком — в пустой квартире, которая выдавала холостяцкую жизнь без единого лишнего слова: немытая посуда в раковине, которую он не замечал уже третий день, стопка книг по земельному праву, так и не разобранный с тех пор, как он готовился к процессу, и то характерное запустение, что появляется в жилище человека, для которого дом давно стал местом ночлега, а не местом жизни. На экране светился десяток открытых вкладок: «как обжаловать решение суда», «коррупция в судебной системе статистика», «независимая экспертиза земельных споров». Он листал одну статью за другой, и все они, обёрнутые в разные слова, говорили об одном и том же по кругу: жаловаться некуда, потому что жаловаться приходится тем же людям, которые приняли решение.

— Гениально, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — Пожаловаться на систему можно только через систему.

Он откинулся на спинку стула и в этот момент заметил на столе старую визитку — с IT-конференции трёхлетней давности. Она лежала поверх всех остальных бумаг, на самом виду, хотя он готов был поклясться, что не доставал её за последний год. На обороте от руки было написано: «Илья — если когда-нибудь понадобится сделать то, что нельзя взломать».

Он долго смотрел на эту надпись.

Он вспомнил тот вечер не сразу. Они тогда сидели с Ильёй после какой-то скучной панели про блокчейн и стартапы — Илья напился и минут двадцать доказывал ему, что единственная система, которой можно доверять, — та, у которой нет хозяина. Тогда это показалось Артемию пьяной философией, милой и совершенно бесполезной. Через три года выяснилось, что это был единственный трезвый разговор за весь вечер.

Он открыл поисковик, вбил «блокчейн как это работает объяснение просто», и принялся читать, хмурясь всё сильнее.

— Цепочка, в которую нельзя влезть и подменить один блок, — пробормотал он себе под нос. — Публичная. Никому не принадлежит целиком.

Он посмотрел в потолок.

— Значит, если сделать так, чтобы решения о справедливости фиксировались так же, — их нельзя будет тихо переписать в чьём-то кабинете.

Он схватил телефон, нашёл контакт «Илья (та конференция)» и напечатал:

«Илья. Помнишь, ты рассказывал про систему без хозяина? Мне нужно, чтобы это было не философией».

Ответа не было несколько секунд — достаточно долго, чтобы Артемий успел засомневаться, стоило ли вообще писать. Потом пришло:

«Три года молчал, а тут вспомнил. Ты хоть помнишь, как меня зовут полностью, или гуглил по визитке?»

«По визитке», — честно напечатал Артемий.

«Уважаю честность больше, чем лесть. Рассказывай».

* * *

Комната Ильи оказалась настоящей серверной, втиснутой в обычную квартиру, — и в этом беспорядке читался особый, вполне узнаваемый склад характера: три монитора на разной высоте, потому что подставки под них были из чего попало — от стопки старых журналов до перевернутого ящика; спутанные кабели, которые никто не собирался распутывать, потому что система, однажды заработавшая, не нуждается в эстетике; и кружка с надписью «404: мотивация не найдена» на самом краю стола, будто оставленная там специально, чтобы гостям сразу

было понятно, с кем они имеют дело. Сам Илья Громов, тридцати трёх лет, сидел вполоборота, постукивая пальцами по столу в такт мысли, которую ещё не успел произнести вслух.

— Правосудие на блокчейне, — сказал он, когда Артемий устроился напротив. — Три года назад я это придумал спьяну на конференции — на которую вообще-то не собирался идти, если честно. Билет мне кто-то передал в последний момент, я даже не вспомню, кто. Ты хочешь сказать, что это была не худшая моя идея?

— Может, и была, — сказал Артемий. — Но я проиграл суд не потому, что был не прав. А потому что судья даже не посмотрел на документы. Он — винтик. А кто-то крутит этот винтик.

Усмешка на лице Ильи погасла быстрее, чем должна была.

— Знакомая метафора, — сказал он. — Обычно так говорят люди перед тем, как совершить либо революцию, либо очень глупую покупку криптовалюты. У меня, кстати, есть личный опыт с винтиками — правда, не судебными, а налоговыми.

— Что за опыт?

Илья ответил не сразу, и в его голосе впервые за разговор не было привычной иронии.

— Отец держал автосервис. Двадцать лет, честно, без обмана клиентов. Потом пришла проверка — нашли нарушение, которого не было, предложили «решить вопрос» суммой, которую отец платить не стал из принципа. Через год сервиса не стало. Не потому что отец плохо работал. Потому что не заплатил конкретному человеку, у которого было право решать, работать ему или нет. Я тогда учился на первом курсе и полгода не мог понять, кому вообще можно жаловаться, если тот, кому жалуешься, и есть источник проблемы.

— Ты никогда не рассказывал, — сказал Артемий.

— Не самая весёлая история для знакомства. Но да — когда я на той конференции понёс пьяную чушь про систему без хозяина, это была не совсем чушь. Это единственное, что я на самом деле хотел построить последние десять лет. Ты просто первый, кто отнёсся к этому серьёзно.

— И всё равно хочу делать, — сказал Артемий.

Илья встал, подошёл к монитору — уже без тени шутки в лице.

— Блокчейн — это цепочка данных, — начал он. — Каждый блок нельзя изменить, только добавить новый. Подменишь один — сломается вся цепочка. Что загрузил — то и осталось навсегда.

— И это можно применить к судам?

— Можно. Есть только одна проблема.

— Какая?

— Люди, — сказал Илья. — Если систему запустит человек, он рано или поздно захочет стать её хозяином. Как твой знакомый судья, только с лучшим маркетингом. Ты должен построить систему, которая не зависит от лидера. Даже от тебя.

— Я готов к этому.

Илья усмехнулся, но тепла в этой усмешке не было.

— Ты даже не понимаешь, что это значит на практике, — сказал он. — Но ладно. Я тоже готов. Потому что если не мы, то кто — очередной комитет по борьбе с чем-нибудь?

* * *

Девушку из здания суда звали Анна, и Артемий нашёл её через несколько дней в университетском коридоре — в том особом гуле перемены, где сотни голосов сливаются в один ровный шум, похожий на шум далёкого моря, а шаги по вытертой до блеска плитке отдаются гулким эхом, как будто здание само торопит студентов дальше, к следующей паре.

— Я хочу построить систему, которая заменит вот это, — сказал он, кивнув на здание за окном. — Не знаю пока, получится ли. Но у меня есть человек, который понимает, как это сделать технически, и мне нужен человек, который понимает, как не сесть за это в тюрьму. Придёте послушать? Час вашего времени, не больше.

Анна усмехнулась.

— Вы вербуете юристов в коридоре университета. Это уже само по себе нарушение как минимум трёх правил приличия.

— У меня закончились варианты получше.

Она помолчала, и ирония в её лице сменилась на что-то более серьёзное.

— Хорошо. Час. Но если это окажется очередным «давайте свергнем систему», я уйду раньше.

Вечером того же дня она сидела в комнате Ильи, скрестив руки, — поза человека, который пришёл послушать, а не соглашаться.

— Итак, — начал Илья. — Смысл в следующем: человек подаёт заявку — не в суд, нам. Заявка и все материалы по ней уходят в блокчейн, то есть записываются так, что задним числом их нельзя ни удалить, ни подменить, ни договориться «этого не было». Дальше алгоритм сам подбирает волонтёра — юриста, журналиста, кого нужно по профилю дела. Прозрачно, без начальника, который может придержать неудобное дело.

— То есть вы не суд, — сказала Анна не сразу.

— Мы не суд, — подтвердил Артемий. — Мы то, что помогает дойти до настоящего суда, когда система сама мешает до него дойти — теряет документы, назначает удобного судью, тянет сроки, пока не истекнут.

— А кто отвечает, если волонтёр ошибётся? — спросила Анна. — Если юрист даст плохой совет, а человек на это положится?

Илья сбился, посмотрел на Артемия.

— Мы... пока не продумали эту часть.

— Значит, продумайте, — сказала Анна уже жёстче, по делу. — Без ответственности это не помощь, это красиво оформленный риск для тех же людей, которых вы хотите защитить.

— Что бы вы предложили? — спросил Артемий.

Анна задумалась вслух, и было видно, как она сама увлекается собственной мыслью.

— Каждый волонтёр подписывает договор — не с вами, с самой системой, публично, тоже в блокчейне. Ответственность фиксируется так же, как заявки. И ещё: вы не должны называть это «заменой суда» ни разу, нигде. Как только вы скажете это вслух — вас можно будет закрыть за подмену правосудия за один день. Вы — помощь истцу. Это другая формулировка, но именно она вас защитит.

— Вот теперь я слышу второго человека, который понимает, что делает, — тихо сказал Илья, обращаясь к Артемию.

— Финансирование? — спросила Анна.

— Пожертвования, — ответил Артемий. — И добровольный процент от выигранных дел — для тех, кто хочет заплатить, не обязательно.

— «Добровольный» тоже нужно прописать так, чтобы это не читалось как гонорар успеха — это отдельная лицензируемая история, и без лицензии вас можно взять за незаконную юридическую практику.

Она замолчала на секунду, и вдруг улыбнулась — не вежливо, как раньше, а по-настоящему, увлечённо.

— Знаете, что самое смешное? — сказала она. — Я весь последний год думаю ровно об этом — что закон защищает процедуру, а не правду. И вот сидит человек, который вместо того чтобы жаловаться на это, пытается написать процедуру заново.

— Значит, с нами? — спросил Артемий.

— Мой отец — генерал-прокурор, — сказала она уже без сомнений в голосе. — Тридцать лет он объяснял мне, что систему можно только терпеть, а не менять. Я хочу доказать, что он ошибался — и, кажется, вы только что дали мне первый рабочий способ это сделать, а не просто повод для семейного скандала.

— Это «да»? — спросил Илья.

— Это «да, но при мне вы никогда не скажете „заменить суд“ вслух».

* * *

Через несколько дней в пустой комнате, которую они уже начали называть офисом, не было почти ничего — только стол, три разномастных стула, судя по виду, принесённых из трёх разных квартир, и ноутбук с рабочим прототипом, светившийся в этой пустоте как единственное доказательство того, что здесь вообще что-то происходит. Голые стены отзывались гулким, чуть пустым эхом на каждое слово — так звучит любое помещение, ещё не привыкшее к разговорам, обжитое лишь наполовину. На единственном окне, в нижнем углу стекла, темнела трещина. Прототип был тем, что Анна помогала оформлять юридически, а Илья собирал по ночам, когда город за окном уже спал.

— Вот прототип, — сказал Илья. — Запросы уходят в блокчейн. Алгоритм распределяет задачи. Никто не может вмешаться — включая нас. Кстати, у неё пока нет имени. Предлагаю не называть «Скайнет», хотя бы для приличия.

— А если кто-то из нас захочет подмять систему под себя? — спросила Анна. — Я про это спрашивала не для протокола — я хочу услышать ответ ещё раз, вслух, при всех.

— Технически — невозможно.

— «Технически» — это не то же самое, что «никогда», — тихо сказала она, глядя на Артемия.

Наступила пауза — не шуточная, а первая по-настоящему серьёзная за весь их короткий разговор.

— Значит, будем проверять это на себе, — сказал Артемий. — Каждый день.

Илья поднял кружку.

— За «Фемиду». Пусть у неё будет много прав и ноль привилегий — прямо как у нас, судя по счёту в банке.

— За справедливость, — сказал Артемий.

* * *

Первый настоящий запрос пришёл через несколько дней, поздним вечером. Уведомление на экране гласило коротко: «Запрос №1. Срочная помощь». Сообщение было от женщины по имени Марина: её брат, Сергей Кузнецов, работал кладовщиком на складе стройматериалов. Три месяца назад он случайно стал свидетелем крупного хищения — начальник склада вывозил партии материалов налево и оформлял их как списанный брак. Кузнецов подал докладную выше по инстанции. Через две недели ему самому предъявили обвинение в краже той же самой партии, которую украл начальник. Суд был назначен через три дня.

— Судья — Петров С.И., — сказал Илья, проверив дело.

Артеми́й усмехнулся, но веселья в этой усмешке не было ни капли.

— Снова он. Вселенная не просто любит рифмы. Она, кажется, издевается.

— Классическая подмена, — сказала Анна. — Реальный вор подаёт заявление первым и на того, кто его разоблачил. Берёмся?

— Берёмся.

Тем же вечером они разложили материалы дела на столе — фотографии двух «свидетелей», протоколы допроса.

— Посмотрите на формулировки, — сказала Анна, читая протоколы. — Оба свидетеля говорят «я лично видел, как гражданин Кузнецов совершил хищение в присутствии третьих лиц» — слово в слово, с одной и той же грамматической ошибкой. Живые люди так не совпадают. Это писал один и тот же человек и раздал им текст выучить.

— Пробил обоих по открытым реестрам, — добавил Илья. — Оба «свидетеля» прописаны в другом районе города, ни один не имеет никакого отношения к месту, где якобы всё

видел. Зато у обоих в старых объявлениях о подработке — один и тот же номер телефона для связи.

— Общий вербовщик, — сказал Артемий.

— Дальше интереснее, — продолжил Илья. — Пробиваю этот номер по утечкам баз данных за последние два года — он всплывает в переписке с юридической фирмой Орлова. Того самого адвоката защиты.

— То есть Орлов не просто защищал, — сказал Артемий. — Он организовал свидетелей.

— Похоже на то. А вот это уже не догадка, — Илья показал скриншот. — Публичный реестр платежей ИП — мелкие переводы с карты, зарегистрированной на помощника Орлова, тем самым «свидетелям». Даты — за три дня до заседания. И сам гонорар Орлова в этом деле оплачен не Кузнецовым — он вообще не мог себе такого позволить — а фирмой начальника склада. Заказчик купил не защиту. Заказчик купил приговор.

— Это не баг, — сказала Анна. — Это статья. Причём не одна — подкуп свидетелей и фальсификация доказательств по уголовному делу.

Артемий молчал дольше, чем требовалось, глядя на экран, где выстроилась схема платежей.

— Знаете, что самое страшное? — сказал он тихо. — Я узнаю эту схему. Не детали — принцип. Мой сосед не выиграл у меня в суде, потому что был прав. Он выиграл, потому что кто-то сделал ровно то же самое — купил не защиту, а решение. Просто в моём деле не осталось таких удобных цифровых следов, чтобы это доказать.

— Значит, Кузнецова подставили тем же способом, каким и тебя, — сказала Анна. — Просто на этот раз мы успели раньше, чем дело закрыли.

— Петров — Орлов — подставные свидетели, — сказал Артемий. — Это схема: И, судя по всему, эта схема продаётся любому, кто готов заплатить — хоть за землю, хоть за фуру со стройматериалами.

* * *

Утром они опубликовали пост — короткий текст с доказательствами, который Артемий прочитал вслух перед тем, как отправить.

СУДЬЯ ОТКАЗАЛСЯ ЧИТАТЬ ДЕЛО. МЫ ПРОЧИТАЛИ — И НАШЛИ ТЕХ, КТО ЕГО КУПИЛ

Кладовщика Сергея Кузнецова обвинили в краже, которую он сам разоблачил. Судья Петров С.И. отказал в пересмотре дела за девяносто секунд, не открыв ни одной страницы. Мы открыли все. Вот что там было: два «свидетеля», которых не существует по месту прописки, один вербовщик на двоих, и переводы с карты помощника адвоката защиты — за три дня до заседания. Заказчик купил не защиту. Заказчик купил приговор. Дело закрыто. Кузнецов свободен. Документы — по ссылке, без купюр. Мы — «Фемида». Мы не суд. Мы то, что помогает дойти до настоящего суда.

— Публикуем? — спросил он.

— Да, — сказали Анна и Илья почти одновременно.

Публикация ушла в сеть, и счётчик на экране начал расти: десять, сто, тысяча.

— Знаешь, что самое пугающее? — сказал Илья, глядя на цифры. — Это работает.

* * *

В тот же вечер, в кабинете, который время как будто обошло стороной, — Сергей Николаевич Громов, пятидесяти восьми лет, читал на планшете новость о деле Кузнецова. Кабинет этот не менялся, кажется, с тех самых пор, как Громов впервые сел за этот стол: тяжёлый, тёмного дерева письменный стол на массивных львиных лапах, доставшийся, судя по всему, ещё от какого-то куда более высокого чина союзного значения; шкаф с гранёными стёклами, за которыми ровными рядами стояли переплетённые в дерматин тома законов, часть — с корешками настолько выцветшими, что название читалось с трудом; ковёр на полу, вытертый добро-

совестной ходьбой до состояния, когда узор угадывается скорее по памяти, чем по цвету. На стене — ни единой картины, только большие, тяжёлые, почти музейные часы с боем, которые Громов заводил лично, раз в неделю, ключом, хранившимся в верхнем левом ящике стола. Планшет в его руках выглядел здесь чужеродно, как случайный турист в комнате, обставленной под другую эпоху, — но сам Громов, судя по всему, этого противоречия давно не замечал. Кабинет был не столько местом работы, сколько высказыванием: здесь ничего не меняли не по бедности, а из принципа, — и этот принцип говорил о хозяине больше, чем любая табличка на двери.

Рядом стоял его помощник Леонид, сорока шести лет, работавший с Громовым уже пятнадцать лет.

— Локальная история, — сказал Леонид, протягивая Громову распечатку с той же новостью. Рукав его рубашки на мгновение сполз выше запястья, и на коже показалась маленькая, старая татуировка — весы, едва заметные, почти слившиеся с линиями сухожилий. Он тут же одёрнул манжету обратно, обычным, ничего не значащим движением, каким поправляют часы или запонку, — и никто в кабинете этого не заметил, а если бы и заметил, не придал бы значения. — Один судья, одно дело. Через неделю забудут.

— Не забудут, — ответил Громов, не отрываясь от экрана. — Посмотри внимательнее не на дело — на то, как оно решено. Систему обошли не взяткой и не связями. Её обошли публичностью и алгоритмом, у которого нет ни лица, ни кабинета, ни счёта, который можно заморозить.

— Это же хорошо? Судья был нечист.

— Хорошо — когда это делает суд, — сказал Громов. — Опасно — когда это делает кто-то, кого нельзя ни спросить, ни остановить, ни купить, если понадобится. Я не о справедливости беспокоюсь. Я беспокоюсь о том, что с алгоритмом нельзя договориться. С судьёй можно. С прокурором можно. Даже со мной можно, если знать подход. А то, с чем нельзя договориться, рано или поздно начинает решать за всех остальных — просто потому что оно единственное, кто не берёт трубку.

Он отложил планшет.

— Тридцать лет я слышу, как молодые идеалисты обещают починить систему снаружи, — сказал он тише, скорее самому себе, чем Леониду. — Обычно это заканчивается тем, что они сами становятся новой системой — просто моложе и без опыта. Я хочу выяснить, кто это, прежде чем это выяснит кто-то другой — с менее аккуратными методами, чем у меня.

Леонид молчал дольше, чем нужно для простого согласия. За пятнадцать лет он слышал от Громова десятки версий этой речи — про диагноз, про необходимость быть внутри, чтобы чистить изнутри. Он никогда не спорил и не поддакивал слишком охотно — просто слушал и запоминал, как человек, привыкший держать своё мнение отдельно от служебного лица.

— Что предлагаете? — спросил он.

— Пока — ничего официального, — ответил Громов. — Собери всё, что можно, без шума. Это не охота. Это диагностика.

— Как скажете, — тихо сказал Леонид и вышел.

За дверью он на секунду задержался и посмотрел на свой телефон дольше, чем требовалось, чтобы просто убрать его в карман.

* * *

Позже тем же вечером, когда команда «Фемиды» уже разошлась по домам, на телефон Артемия пришло сообщение с неизвестного номера.

«Вы только что объявили войну. Готовьтесь к ответу», — гласил текст.

В эти же минуты, в своём кабинете, Леонид сидел один и писал это сообщение сам — по собственной инициативе, не по прямому приказу Громова. Для этого он завёл отдельную, анонимную сим-карту — не в первый раз.

«Они сделали это. Петров раскрыт. Начинайте следующий этап», — напечатал он ещё одно сообщение — теперь уже кому-то другому.

Он посмотрел на дверь кабинета Громова. Лицо его стало серьёзным — он был единственным в этом здании, кто уже понимал: диагностика Громова быстро перерастёт во что-то большее.

Глава 2. Первый зов

На экране висела карта города и двух соседних районов, усеянная редкими, разрозненными точками, каждая из которых означала чью-то беду, доверенную незнакомцам. Три недели работы дали девятнадцать обращений — цифра, которая на слух казалась то ли обнадёживающей, то ли смехотворно маленькой, в зависимости от того, кто на неё смотрел.

— Пока в основном сарафанное радио, — сказала Анна, изучая список. — Марина сказала подруге, подруга — своему адвокату.

— Медленный рост — это не провал, если задуматься, — заметил Илья, не отрываясь от клавиатуры. — Быстрый рост из одного случая обычно называется «пирамидой», а не «системой».

— Значит, растим по одному делу за раз, — сказал Артемий. — Пусть медленно — зато никто не сможет сказать, что мы дутая сенсация.

* * *

Вечером того же дня Илья сидел, озадаченно уставившись в монитор с тем особым выражением лица, которое появляется у людей, обнаруживших нечто среднее между технической неисправностью и метафизической загадкой.

— Так, у нас проблема, — сказал он. — Или подарок. Ещё не решил.

— Что? — спросил Артемий.

— Она сама начала сортировать запросы по приоритету — по срочности, по географии. Я этот модуль не писал.

— Может, баг? — предположила Анна.

— Баг не бывает настолько логичным, — ответил Илья, проверяя код строку за строкой. — Баг обычно как я по утрам — бессмысленный и требует кофе. Модуля нет в коде. Он появился сам.

— Может, она учится? — спросил Артемий.

Илья поднял на него взгляд, в котором впервые не было привычной иронии.

— Если она учится, — сказал он, — я хочу, чтобы она хотя бы поздоровалась для начала.

Никто не стал развивать шутку дальше — пауза, повисшая после этих слов, была слишком серьёзной для смеха.

— Тогда наблюдаем, — сказал Артемий. — И фиксируем каждое такое изменение отдельно — как инцидент, а не как курьёз.

— Согласен, — кивнул Илья. — С сегодняшнего дня — журнал аномалий.

* * *

В то же самое время, в кабинете куда более просторном и куда менее обжитом, чем комната Громова, — с большим окном, современной мебелью и той стерильной, безличной чистотой, что выдаёт помещение человека, который слишком высоко поднялся, чтобы позволить себе индивидуальность, — Громов стоял перед своим начальником. Разговор был коротким, деловым, без единой эмоции в голосе — так, как Громов вёл все переговоры, в которых собирался выиграть.

— За три недели — девятнадцать обращений, — сказал он. — Мало. Но структура — не мало. Это не стихийный протест. Это работающая модель, которая уже показала, что способна выигрывать у суда.

— Вы предлагаете раздуть из девятнадцати дел государственную угрозу? — спросил чиновник, не поднимая головы от бумаг на столе.

— Я предлагаю не ждать, пока их будет девятнадцать тысяч, чтобы начать разбираться, что это такое, — ответил Громов. — Дайте мне отдельные полномочия — не карать, для начала. Изучить. Если я ошибаюсь — вы ничего не теряете, кроме моего времени.

Чиновник помолчал — ровно столько, сколько требовалось, чтобы решение выглядело взвешенным, а не заранее принятым.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Комитет по системным угрозам. Возглавите сами.

— Как раз этого я и просил.

* * *

Новость появилась на одном из мониторов офиса тем же вечером — Илья вывел её на общий экран, короткую строку, набранную сухим канцелярским языком, за которым угадывалось нечто гораздо более личное, чем обычная кадровая перестановка.

— Теперь у войны есть лицо, — сказал Илья. — Причём, судя по формулировке, довольно вежливое лицо — «системные угрозы», а не «враги государства».

— Странно, — заметила Анна. — Обычно такие структуры создают в ответ на скандал. А тут — тишина, кроме нашей одной публикации.

Пока они спорили, у Артемия на телефоне беззвучно всплыло сообщение — с номера, которого не было ни в одном его списке контактов.

«Комитет создан не для абстрактных угроз. Цель — вы. Будьте осторожны», — гласил текст, без подписи, без единой лишней буквы.

Артемий показал экран остальным. Несколько секунд все трое молчали, будто отправитель мог как-то узнать об этом молчании и счесть его ответом.

— Кто это? — спросила Анна.

— Не знаю, — сказал Артемий. — Но кто-то только что подтвердил то, о чём мы и так догадывались, — причём подтвердил быстрее и точнее, чем это сделали бы новости.

— Значит, кто-то заметил нас раньше, чем мы стали заметны для остальных, — добавил он чуть позже, убирая телефон. — Это не льстит. Это тревожит.

* * *

В кабинете юридической фирмы — дорогом, безликом, обставленном с той продуманной анонимностью, что стоит вдвое дороже настоящей роскоши, — Никита Шапиро, тридцати трёх лет, сидел за столом, заваленным делами клиентов, которые были правы значительно меньше, чем платили. Костюм на нём сидел безупречно, как и полагается человеку, чья профессия заключается в том, чтобы выглядеть увереннее собственной совести.

Коллега положил ему на стол распечатку — свежую публикацию «Фемиды» о деле Кузнецова.

— Видел? — спросил он. — Судью Петрова публично раздели. Кто-то нашёл способ бить по таким делам напрямую, без месяцев беготни по инстанциям.

Никита читал, и взгляд его остановился на одной фамилии дольше, чем требовалось для обычного любопытства, — на той самой, что была в его собственном проигранном деле пять лет назад.

— Соколов, — сказал он тихо, не отрываясь от текста. — Артемий Соколов...

— Знаешь его?

— Учились вместе, — ответил Никита. — Он всегда был... неудобным. В хорошем смысле.

Коллега пожал плечами и вышел, не почувствовав в этих словах ничего, кроме обычного воспоминания. Никита остался один и перечитал публикацию ещё раз, медленнее. Потом взял телефон и открыл старую переписку с Артемием — ту, что не читал уже несколько лет.

Он пять лет зарабатывал на том, что помогал таким, как Петров, оставаться безнаказанными, — потому что клиенты платили за победу, а не за правду. Он говорил себе, что это просто профессия, ремесло без морали, как у нотариуса или бухгалтера. Сегодня, впервые за все эти годы, он не смог доиграть эту мысль до конца.

* * *

Никита появился в офисе «Фемиды» тем же вечером — его хороший костюм выглядел здесь чужеродно, как визитная карточка из другого мира на фоне голых, ещё не обжитых стен.

— Прочитал про Кузнецова, — сказал он. — Не мог не прийти.

— Пришёл посмотреть или пришёл помочь? — спросил Артемий сдержанно: слишком многое стояло между ними за прошедшие годы, чтобы обрадоваться его появлению без огорок.

— Оба варианта требуют, чтобы вы меня хотя бы выслушали.

— Мы вас не звали, — сказал Илья, не отрываясь от монитора.

— Знаю, — ответил Никита. — Поэтому объясню, зачем я вам нужен, а не почему вы нужны мне. Пять лет в судах — я знаю, какие судьи берут, какие боятся, а какие просто устали и подпишут что угодно, лишь бы не разбираться. Это не общедоступная информация, это годы личных наблюдений. Я знаю, как выглядит поддельная экспертиза, — потому что заказывал их сам, когда было нужно клиенту. И я умею проверить документ на подлинность так, что вы не потратите на это неделю юриста, а потратите час.

— Вы предлагаете нам опыт человека, который годами работал против таких дел, как наши, — сказала Анна.

— Именно поэтому я знаю, где у системы слабые швы — я их годами использовал, — ответил Никита. — Считайте это покаянием с полезной функцией.

Артемий помолчал, взвешивая.

— Громов уже возглавил комитет против нас, — сказал он наконец. — Что ты о нём знаешь?

— Больше, чем написано в новостях, — сказал Никита. — Я слышал о нём ещё до комитета — он консультировал по делам, которые считались «непробиваемыми». В узких кругах его называли Хирургом: он не берёт взятки сам, зато точно знает, кому и когда их передать, чтобы дело не дошло до огласки. И вот что важно — я слышал от знакомого из прокуратуры, что досье на вас кто-то уже начал собирать. Не через официальный запрос — тихо, через личные связи. Раньше, чем об этом объявили публично.

Артемий переглянулся с Анной. Услышанное совпадало с тем, что уже происходило вокруг них, — но откуда именно Никита это знал, оставалось загадкой, повисшей в воздухе.

— Кто твой знакомый из прокуратуры? — спросил Артемий.

— Пока не могу сказать — это его подставит, — ответил Никита. — Но если решите мне не верить, проверьте сами: если через несколько дней всплывёт хоть что-то о слежке за вашими родственниками, значит, я был прав, и это будет куда важнее, чем моё имя источника.

Артемий смотрел на него долго — не с доверием, но с интересом, который иногда бывает опаснее прямого недоверия.

— Оставайся, — сказал он наконец. — Посмотрим, что ты можешь. Но первое дело, где я решу, что ты работаешь на прежнего себя, — последнее.

Когда все разошлись, Илья остался один и тихо, без объяснений, проверил аккаунты Никиты по открытым базам.

* * *

Кафе, в котором Громов назначил встречу, было выбрано с той же расчётливой невзрачностью, что и всё, к чему он имел отношение, — ни одно случайное лицо здесь не задержалось бы в памяти дольше минуты.

— Принеси мне реальные данные, — сказал он, едва Никита сел напротив. — Имена волонтеров. Схемы финансирования.

— Они защищены системой, — ответил Никита.

— Ты хочешь вернуть своё дело — то, что проиграл пять лет назад, — сказал Громов, вставая. — У тебя три дня. Или потеряешь последний шанс.

Он ушёл, не оборачиваясь. Никита остался за столиком один, сжимая кулаки под столом, — жест, который он последние несколько дней, кажется, повторял слишком часто для человека, уверенного в собственных решениях.

— Отличная карьера, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — Юрист, специализирующийся на предательстве. Спрос стабильный.

* * *

Ночью, когда офис опустел, Никита остался один. Он открыл ноутбук, собрал файлы — и рука его на несколько секунд зависла над кнопкой «Отправить», как будто само это движение требовало усилия, несоразмерного с простотой клика.

— Прости, Артемий, — прошептал он.

Он не отправил ничего настоящего — только то, что и без того лежало в открытом доступе, аккуратно упакованное так, чтобы сойти за доказательство лояльности. Экран мигнул подтверждением: файлы отправлены получателю.

* * *

В кабинете, где часы с боем всё так же ровно отсчитывали часы чужого, давно прошедшего времени, Громов листал присланное — и с каждой страницей улыбка на его лице становилась всё более сухой, пока не исчезла вовсе.

— Мусор, — сказал он. — Он боится.

Он набрал номер.

— Мне нужны реальные данные, — сказал он в трубку, без приветствия. — Если завтра утром я их не получу — забудь про пересмотр дела.

* * *

Позже тем же вечером в кабинет вошёл Леонид с очередной сводкой.

— Налоговая ничего не нашла, — сказал он. — Они чисты.

— Значит, подготовлены, — ответил Громов.

— Или просто честны.

— Честность — это отсутствие смелости воровать, — сказал Громов, не отрываясь от бумаг. — Смени тактику. Пусти в новости, что «Фемида» — проект иностранных разведок.

Леонид не ушёл сразу — задержался у двери, той самой паузой, в которой обычно и вызревают вопросы, которые не задают вслух.

— Мы же не знаем, что это неправда, — сказал он. — Про разведки.

— Не знаем, — согласился Громов, устало, без всякого оправдания в голосе, — просто констатируя факт, как констатируют погоду. — И объявим это правдой раньше, чем узнаем. Леонид, за пятнадцать лет ты видел от меня и похуже. Что изменилось сегодня?

— Ничего, — сказал Леонид после паузы.

И вышел.

* * *

Смена тактики не заставила себя ждать. В университетском коридоре, среди того же гула перемены, в котором несколько дней назад Артемий впервые заговорил с Анной о «Фемиде», её застал звонок отца. Она вышла из потока студентов к окну, чтобы ответить, — и по одному этому жесту было видно, что разговор предстоит не из лёгких.

— Громов звонил мне, — сказал голос отца в трубке, без предисловий, без приветствия — тон, знакомый ей с детства, тон человека, привыкшего сразу переходить к сути. — Если ты не прекратишь — он начнёт проверку всей семьи.

— Ты боишься за себя, — сказала Анна. — Не за меня.

— Я боюсь за всё, что построил, — ответил отец. — Ты это разрушаешь.

Он сбросил звонок первым — привычка человека, который никогда не позволяет последнему слову остаться не за собой. Анна ещё несколько секунд смотрела на погасший экран телефона, прежде чем убрать его в карман и вернуться в поток студентов, будто ничего не произо-

шло. Она узнала в этой угрозе ту же руку, что несколько дней назад назвала себя «системными угрозами» на официальном бланке, — и от этого звонок пугал её меньше, чем должен был: понятная опасность переносится легче непонятной.

* * *

Ночью, когда офис снова опустел, Артемий и Анна остались вдвоём.

— Мой отец прав в одном, — сказала Анна. — Снаружи систему не разрушить. Нужны те, кто внутри. Честные судьи, прокуроры. Им нужен анонимный канал.

Артемий сел за ноутбук — и в ту же секунду увидел, что новое сообщение уже ждёт его, будто написанное в ответ на слова, которых отправитель не мог слышать.

«Я — судья районного суда. Хочу анонимно помочь. У меня есть информация о системных нарушениях. Гарантируйте мою анонимность — и я передам данные. Я знаю, что Громов — глава комитета. Я боюсь его. Но больше не могу молчать», — гласил текст.

Артемий и Анна переглянулись — и в этом взгляде было куда больше, чем просто удивление совпадением.

Глава 3. Крот

Письмо от анонимного судьи висело на экране уже полчаса, и все четверо — Артемий, Анна, Илья, Никита — смотрели на него с той настороженностью, с какой смотрят на посылку без обратного адреса.

— Может быть ловушкой Громова, — сказала Анна.

— Я проверю IP, — предложил Никита.

Он застучал по клавиатуре быстрее, чем от него ожидали, — годы работы с документами, которым нельзя доверять на слово, выработали в нём особую, почти механическую скорость проверки.

— IP-адрес — здание районного суда, кабинет триста семь, — сказал он наконец. — Реальный. Из суда.

— Или декорация, — заметил Илья.

— Значит, внутри системы есть трещина, — сказала Анна.

— Ответь ему, — сказал Артемий. — Анонимность гарантируем.

* * *

На столе Громова, поверх остальных бумаг, лежала папка с одним словом на обложке: «Фемида».

— Они выиграли первое дело, — сказал Леонид. — Петров раскрыт публично.

— Я работал в прокуратуре тридцать лет, — ответил Громов, не отрываясь от бумаг. — Я видел, как система гниёт изнутри, и стал её частью, чтобы хоть как-то ей управлять. Я с самого первого дня — с того дела Кузнецова — сказал тебе: это не скандал, это диагноз. Диагноз подтвердился. Соколов думает, что если разрушить систему — наступит справедливость. Но за разрушением всегда идёт не справедливость, а тот, кто окажется быстрее. Обычно это не самый добрый человек.

— Что прикажете? — спросил Леонид.

— Собери досье на всех, кто связан с «Фемидой», — сказал Громов. — Мне нужны не доказательства преступлений — их нет. Мне нужны их слабости.

Он не хотел воевать с мальчишкой — по крайней мере, не признавался себе в обратном. Но он уже видел этот фильм прежде: систему без тормозов, построенную человеком, слишком уверенным в собственной правоте, чтобы предусмотреть тормоза заранее. Обычно такой человек проигрывал не врагу. Он проигрывал себе.

* * *

Библиотека, куда Артемий зашёл в тот же день, была из тех немногих мест города, где время текло по-другому, — с высокими стеллажами, запахом старой бумаги и тем особым, почти церковным молчанием, которое не нарушают даже скрипом половиц. Он листал книгу тысяча девятьсот двадцатого года — старое издание с потускневшим тиснением на обложке, где среди прочих иллюстраций дважды повторялось изображение весов, — и наткнулся на закладку: пожелтевший, ломкий на сгибах листок, вложенный, судя по всему, не издателем, а кем-то из прежних читателей.

«Когда мир погрузится во тьму, придёт та, кто принесёт свет. Важен не тот, кто её несёт, а то, что цепочку, которую она образует, нельзя разорвать — и нельзя присвоить. Общество „Весы“. 1923. Москва», — гласила запись, сделанная убогим, старомодным почерком.

— «Нельзя разорвать»... И «нельзя присвоить», — тихо повторил Артемий вслух, ни к кому не обращаясь. — Это не про технологию. Это предупреждение.

Он не рассказал об этом ни Анне, ни Илье. Сложил листок вчетверо и убрал в карман — не потому, что решил хранить это в тайне намеренно, а потому что не нашёл слов, с которых можно было бы начать такой разговор.

* * *

В своём кабинете, поздно вечером, Леонид сидел один перед папкой с начатым досье — фотографии, адреса, аккуратно выстроенные связи родственников команды «Фемиды», разложенные с той канцелярской методичностью, что превращает чужие жизни в таблицу. Он смотрел на эти листы дольше, чем требовалось для простой проверки готовности, потом написал короткое сообщение — не на личный номер Артемия, а на общий контактный адрес «Фемиды», указанный на сайте, как пишут туда обычные, никому не известные люди.

«На вас собирают досье. Не с целью уголовного дела — с целью найти, чем можно надавить на каждого лично. Будьте осторожны с тем, что публикуете. Это не угроза. Это предупреждение», — напечатал он.

Отправил. Долго смотрел на экран, не убирая телефон, будто ждал ответа, которого оттуда прийти не могло.

* * *

Артемий сидел один в опустевшем офисе, глядя на то самое анонимное предупреждение с незнакомого номера, — он ещё не знал, кто его отправил. Через минуту пришло второе уведомление, на этот раз от самой системы:

«Обнаружена аномалия в данных. Входящее сообщение совпадает по техническому профилю с номером из архива за первую неделю работы — угроза, дело Кузнецова. Рекомендуется проверить канал связи», — сообщал экран.

Артемий не вводил никаких команд, чтобы это выяснить.

— Илья, ты видишь это? — спросил он вслух, зная уже, что ответа не будет: Илья ушёл домой час назад.

Он открыл журнал аномалий и вписал в него новую строку. К этому вечеру записей там было уже пять. Утром Илья, вероятно, скажет, что это «статистически интересно», — у него была докторская по спокойствию в кризис, тогда как у самого Артемия имелся только диплом юриста, не рассчитанный на подобные ситуации.

На следующий день, сопоставив оба сообщения, команда пришла к общему подозрению: человек, писавший им угрозы две недели назад, теперь писал предупреждения — и это, судя по совпадающему техническому следу, был один и тот же номер, а значит, один и тот же человек внутри комитета Громова.

* * *

Обещанный архив от анонимного судьи пришёл на следующий день — зашифрованный набор файлов с пометкой «Дело №112-В-77». Анна, Илья и Никита разбирали материалы на большом экране, и с каждой минутой лица их становились серьёзнее.

— Банк «Северный кредит», — читала Анна. — Иски вкладчиков о незаконном списании средств. Все отклонены одним и тем же судьёй, несмотря на явные нарушения в документах банка.

— А вот это интереснее, — сказал Илья. — Переводы с закрытого счёта банка — на структуру, которая существует минимум лет пять, судя по истории регистрации. Обычная прокладка для отмывания, таких по стране сотни. Но смотрите на дату: три недели назад, ровно когда создали комитет Громова, у структуры прекратились все проверки. Одновременно. Как будто кто-то сверху дал команду её не трогать.

— То есть комитет не построил эту схему, — сказал Никита. — Комитет её унаследовал — и взял под крыло. Тот же почерк, что и с Кузнецовым, только уровнем выше: там был один судья и один адвокат, здесь — банк и целая теневая структура, которую прикрыли одним звонком.

— Хуже, — сказал Артемий. — Значит, таких структур может быть много, и все они теперь чувствуют себя спокойнее, чем месяц назад. — Он помолчал, глядя на схему связей на экране. — Значит, наш анонимный судья не ошибся адресом. Он не просто хотел выговориться. Он дал нам дело.

— Дело, которое можно проверить и опубликовать, — сказала Анна, — если Никита подтвердит подлинность документов.

— Дай мне ночь, — сказал Никита, кивнув серьёзно, без обычной адвокатской лёгкости в голосе.

* * *

Публикация о втором деле была готова к вечеру.

КОМИТЕТ ПО БОРЬБЕ С УГРОЗАМИ ЗАЩИЩАЕТ УГРОЗУ. МЫ НАШЛИ, КОГО ИМЕННО

Банк «Северный кредит» годами списывал средства вкладчиков без законных оснований. Все иски о возврате отклонялись одним и тем же судьёй, несмотря на прямые нарушения в документах банка. Мы нашли, куда уходили деньги: на счета теневой структуры, существующей не первый год. Три недели назад, день в день с созданием комитета Громова по «системным угрозам», все проверки этой структуры были синхронно прекращены — без объяснений, без огласки, одним звонком. Комитет, обещавший бороться с угрозами, унаследовал одну из них и взял под крыло. Документы — полностью, без купюр, по ссылке. Мы — «Фемида». Мы публикуем то, что должно быть публичным по закону — и почему-то не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.